

Парецкая Марина Эдуардовна

ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И СТИХОТВОРЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО "ПОСЛУШАЙТЕ!")

В статье говорится о возможностях лингвокультурологии, раскрывающей смысл духовного начала языка, реализуемого в синтаксической системе, где прослеживается связь философии языка с его национально-культурным компонентом. Специфика восприятия действительности через синтаксис иллюстрируется автором на примере глагольных и номинативных односоставных предложений, в которых изначально заложено своеобразное видение мира русским этносом. Также рассматриваются вопросы влияния духовного языка на литературу, в том числе и на произведения литераторов-материалистов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/5-6/31.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 5-6 (84). С. 104-107. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/5-6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

KHARKIV ETHNOLOGICAL SCHOOL CONTRIBUTION TO STUDY OF APOTROPAIOS AND STANDARDS IN THE UKRAINIANS' EVERYDAY LIFE (THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)**Nikolaeva Anna Vladimirovna***Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine**anna_nicolayeva@ukr.net*

The article discusses the scientific heritage of Kharkiv ethnological school outstanding ethnologists of the turn of the XIX-XX centuries, precisely N. Sumtsov's and P. Ivanov's heritage. The author analyzes the scientists' approaches to the study of the issue of apotropaioi and standards in Sloboda Ukrainians' everyday life, particularly talking about apotropaioi situations and popular culture means, which were widely used for symbolic protection from all sorts of danger carriers in peasants' everyday life.

Key words and phrases: symbolic protection; semantics; apotropaioi; standard; omen; preventive measures; Sloboda Ukraine.

УДК 81; 81:22

Филологические науки

В статье говорится о возможностях лингвокультурологии, раскрывающей смысл духовного начала языка, реализуемого в синтаксической системе, где прослеживается связь философии языка с его национально-культурным компонентом. Специфика восприятия действительности через синтаксис иллюстрируется автором на примере глагольных и номинативных односоставных предложений, в которых изначально заложено своеобразное видение мира русским этносом. Также рассматриваются вопросы влияния духовного языка на литературу, в том числе и на произведения литераторов-материалистов.

Ключевые слова и фразы: духовность русского языка; лингвокультурология; ментальность; восприятие действительности через синтаксис; односоставные предложения; отражение духовности языка в литературе; религиозный поиск писателей материалистического толка.

Парецкая Марина Эдуардовна*Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)**marinaparetskaya@rambler.ru***ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И СТИХОТВОРЕНИЯ
В. В. МАЯКОВСКОГО «ПОСЛУШАЙТЕ!»)©**

Феномен духовности русского языка проявляется, прежде всего, в пределах лингвокультурологии, тесным образом связанной с национальным характером, Православием и философией языка.

Широкие категории лингвокультурологии позволяют раскрыть смысл духовного начала языка, проявленного во всей лингвистической системе: в звуковых и морфемных единицах, в словарном составе и синтаксическом строе. Рассуждая о духовной составляющей русского языка, стоит обратиться к его грамматике, и в частности к синтаксису, где связь философии языка с его национально-культурным компонентом ощутимо прослеживается. Специфику восприятия действительности через синтаксис можно проиллюстрировать на примере односоставных предложений, глагольных и номинативных, в которых изначально заложено своеобразное видение мира русским этносом.

В односоставных глагольных предложениях разных типов происходит последовательное абстрагирование от субъекта, и отнесённость действия к какому бы то ни было лицу становится всё более нечёткой. В определённо-личных (*Каждый день хожу на речку этой дорогой*), неопределённо-личных (*Возле дома посадили фруктовые деревья*) и обобщённо-личных предложениях (*Слезами горю не поможешь*) субъект присутствует в глагольной флексии; активнее всего он проявляется в определённо-личных предложениях, а наименее активен – в обобщённо-личных.

В безличных предложениях разных типов происходит ещё более полное абстрагирование от субъекта. Особенно это характерно для конструкций с собственно безличными глаголами, обозначающими состояние природы или человека: *Светает, Знобит, Хочется*. В таких предложениях субъект присутствует имплицитно, он концентрируется в корневой морфеме слова – главного члена предложения, переходя с синтаксического уровня на морфемный: *Морозит, Холодает, Нездоровится*.

Через подобные высказывания ментальность носителей языка проявляет своеобразное упование не на свои, а на Высшие Силы, в результате чего происходят затушёвывание собственного «я» и перекладывание на Провидение ответственности за происходящее. Такое осмысление действительности и места в ней человека, робкого и кающегося, неуверенного в себе и очень эмоционального, характерно для эпохи Рыб, в которую и возникло христианство.

Недаром раннехристианским символом Бога-Сына является рыба: буквы этого греческого слова образуют акроним слов Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель. В евангельских сюжетах этот символ используется неоднократно. Так, например, Христос сам принимал участие в ловле рыбы; пятью хлебами и двумя рыбами Он накормил пять тысяч; некоторые из апостолов до встречи с Богом-Сыном были рыбаками, а слова Христа, обращённые к ним, переводят понятия «рыбы» и «рыбной ловли» в религиозный символ, обозначающий апостольское служение: *«Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыбаки; И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков»* [2, Матфей, 4:18-19].

Ещё в одном типе односоставных глагольных предложений, инфинитивных, абстрагирование от субъекта достигает своей кульминации, поскольку субъект в них определённым образом сопрягается с предикатом и кодируется в нём, например: *Жить – делу служить*. В таких высказываниях, где действие и деятель представлены в наиболее отвлечённом виде, проявлена идея слияния отдельной души с Абсолютом – первоисточником Вселенной, что во всех мировых религиях мыслится как основная задача воплощённой на Земле души.

Если предположить, что субъект – это репрезентация человеческой души, а предикат – выражение действующей энергии Бога, то и на уровне языка становится понятной необходимость и возможность их закономерного сближения. Душа-субъект проявляется в этом случае в своей основной динамической роли со-работника, со-творца, который вместе с Высшими Силами участвует в деле преобразования мира, и человеческой душе в этой работе отводится далеко не последняя роль [1, с. 169].

Как и требующая развития душа, субъект в односоставных предложениях динамично изменяется, проходя своеобразный путь от определённо-личного до инфинитивного предложения. При этом (согласно всеобщему закону сохранения энергии) субъект не исчезает, а продолжает существовать, находя разные способы своего грамматического выражения: во флексии личного глагола, в корневой морфеме безличного глагола, в неопределённой форме глагола.

Похожие процессы происходят и в номинативных предложениях, где формально отсутствует другой главный член – предикат (например: *«Мороз и солнце; день чудесный!»*). Статическое отображение действительности в таких высказываниях не противоречит лингвокультурной и социокультурной характеристике русской ментальности. Своими корнями подобные номинации уходят в геоантропологические особенности существования русского этноса: наличие огромных территорий требовало осмысления и их речевой констатации, что как нельзя лучше запечатлевалось при помощи номинативных предложений.

Более того, в этом случае прослеживается связь с существовавшей на Руси до христианства языческой религией. Язычество, предполагающее обожествление природы и её стихий, ведёт к многобожию, что, по всей видимости, является причиной отсутствия в номинативных предложениях формально выраженных предикатов, поскольку обожествлённые силы природы персонифицируются именно в субъектах. Однако, согласно уже упомянутому всеобщему закону сохранения энергии, предикат присутствует в интонации и актуализируется в знаках препинания: *«Солнце! Весна. Тихое утро...»* Иными словами, в высказываниях с одним главным членом – субъектом – идея Единого Создателя выражается имплицитно, а эксплицитно – идея различных сил, проявленных в природе.

Следует отметить, что русское дохристианское мировосприятие проявляется и в рассмотренных выше безличных предложениях, но идеи язычества присутствуют в них неявно, кодируясь в морфемах собственно безличных глаголов и при этом как бы поглощаясь христианством (ср. предложения *«Вечер»* и *«Вечереет»*). Язык в этом случае отражает реальную картину исторического развития религиозных представлений носителей языка – на Руси некоторые элементы язычества были восприняты и адаптированы русским православием (например, празднование масленицы).

Рассмотрение небольшого фрагмента русской лингвистической системы с лингвокультурных позиций предполагает, что идеи, заложенные в духовном языке, обязательно отражаются и в литературе, созданной на этом языке. Взгляд на русскую литературу с позиций духовности позволяет интерпретировать творчество русских классических писателей XIX и XX веков под другим, нежели принято в хрестоматийной литературоведческой традиции, углом зрения.

Известно, что русская художественная классика получила своё развитие на основе трёх традиций: фольклора, западноевропейской культуры и христианства. Причём христианство, а точнее, его восточная ветвь – православие, – стало для формирования русской словесности основополагающим, поскольку именно православное христианство с его духовно-реалистическим опытом, эстетикой и символикой определило своеобразие русской ментальности и общественной жизни.

Русская классика имеет большое своеобразие – художественное и религиозное образуют в ней нерасторжимое и равноправное единство. Религиозное начало не просто вписывается в литературу отрывками из сочинений христианского дискурса – оно является той основой, на которой выстраивается здание русской словесности. При этом религиозная составляющая художественно осмысливается и, переплетаясь с литературной составляющей, способствует организации сюжета, созданию образов и стилистическому оформлению. Однако, в конечном счёте, идеи христианства в произведениях русских писателей как бы отходят на второй план и, уступая место художественности, органично растворяются в классическом литературном контексте [5, с. 4].

В постлюбоносковскую эпоху, в период между двумя крупными историческими событиями – Отечественной войной 1812 года и революцией 1917 – в России возникло немалое количество литературных талантов и гениев, решавших духовные задачи общественной и личной жизни путём исследования внутреннего мира своих героев.

Эти литераторы повлияли на умы современников и стали учителями жизни целых поколений. Религиозное начало оказалось настолько сильным в русской словесности, что даже невоцерковленные писатели и писатели материалистического толка оставляли в своем творчестве место для религиозного поиска (ведь известно, что богоискательство вне Церкви было характерно для российского сообщества и в XIX, и в XX веке) [Там же, с. 12].

Обратимся к творчеству В. В. Маяковского, официального поэта революции, чьи произведения несли на себе печать материализма, лишаящего творчество высокой духовности. Однако в его поэтическом наследии есть стихотворение «Послушайте!», написанное в 1914 году и пронизанное библейскими мотивами. В нём автор выступил, скорее всего, сам того не ведая, как настоящий религиозный поэт-символист. Появление такого сочинения у Маяковского говорит о высоком и богатом духовном опыте всей русской классической литературы, позволяющей делать духовные прорывы даже сугубым материалистам.

Послушайте!

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
Значит – кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?

И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к Богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит –
чтоб обязательно была звезда! –
клянется –
не перенесет эту беззвездную муку!

А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!».

Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда [4, с. 60-61]?!

В этом стихотворении проявлена основная концепция Ветхого Завета – отношение Бога и целого народа. Она реализуется содержанием и выражается глагольными формами множественного числа («*послушайте*», «*зажигают*»), а также находит отражение в сложноподчинённых предложениях, содержащих односоставные неопределённо-личные и безличные предложения, через которые, как уже говорилось ранее, в русской традиции проявляется упование на Высшие Силы.

Однако человек у Маяковского становится ветхозаветным только к концу произведения, в его начале он – одинокий и мятущийся, ещё не нашедший своего успокоения в любви и вере язычник. В самом поэтическом изложении языческие и библейские традиции манифестируются символами *звезда*, *жемчужина*, *солнце*, *метель*, *пыль*.

Всё стихотворение представляет собой замкнутую в кольцо структуру: первый и четвёртый куплеты, во многом лексически повторяя друг друга, вычерчивают своеобразный круг, символически объединяющий Небо и Землю, являющийся символом вечности и всей Вселенной [3, с. 91]. Круговая символика делает кольцо эмблемой единства Бога и человека, эмблемой вечной жизни души, знаком силы Бога и защиты человека. Лирический герой произведения посредством этого символа получает трансфизическое разрешение на личный контакт с Богом (ведь с давних времён кольцо было знаком подтверждения определённых полномочий). Но это – контакт не со славянским языческим божеством из многочисленного дохристианского пантеона, а с Абсолютом, общение с которым поможет человеческой душе перейти от древнего многобожия к библейскому монотеизму.

Идея полёта души к звёздному небу реализуется в стихотворении наличием аллитерации на з («звёзды», «зажигают», «значит», «называет») и на ж («зажигают», «нужно», «жемчужиной», «каждый»). Эта перекличка звуков усиливается их одинаковой начальной и конечной позицией, в результате чего возникает эффект звуковой анафоры и эпифоры, которые имитируют звук, издаваемый при полёте. Эту же идею отражают и многочисленные знаки препинания, передающие устремление души к её Творцу.

Контакт человека с Богом проявляется в тексте и посредством символов звезда и жемчужина, фигурирующих в первом и последнем куплетах. Во времена язычества люди верили, что звёзды управляют человеческими судьбами, и обожествляли их, делая объектами поклонения и молитвенного обращения. Поэтому человеку-язычнику так необходимо было видеть на небе звёзды. Жемчужина среди других драгоценных камней представлялась в древности как самый существенный символ света; светящаяся чистота жемчуга сделала его знаком высокой духовной мудрости, в которой люди всегда испытывали нужду.

Кульминация стихотворения приходится на второй куплет, где глаголы, описывающие внутреннее состояние лирического героя («врывается», «боится», «плачет», «клянётся», «не перенесёт»), передают ощущение нервного срыва и бурной эмоциональной реакции души, может быть, впервые обратившейся за помощью не к языческим богам, а к Единому Богу. Эта душа приходит к Отцу Небесному не в минуту тихой утренней молитвы, она, «надрываясь», «врывается» на Небеса в полдень, в час откровения, когда дневное светило, так чтимое в язычестве и воспринимаемое древними как верховное божество, находится в зените. Отвечая на мольбу человеческой души, Бог проявляет своё присутствие посредством символа метель. Метель, а точнее, буря – это то природное явление, на фоне которого Создатель общается с ветхозаветным человеком: «Господь отвечал Иову из бури...» [2, Книга Иова, 38:1]. Такой контакт с Высшими Силами приводит человека к покаянию, проявленному через символ пыль (прах, пепел), и к его возрождению для новой жизни, подобно фениксу, представляющему идею возрождения духа и души.

После общения с Творцом языческая душа переходит на более высокий уровень существования и тем самым обновляется. Напряжение этой молодой и неопытной души, которая только учится уповать на Единого Бога, несколько снимается в третьем куплете через антонимическую пару «тревожный-спокойный». Поскольку, если есть звезда, то открыт вход на небеса, а это значит, что люди не оставлены без Божественного покровительства.

История обращения человека к Богу в этом произведении может быть воспринята и как калька известной евангельской притчи о блудном сыне: «Ибо этот сын мой был мёртв и ожил, пропал и нашёлся» [Там же, Лука, 15:24], которая лежит в основании христианской духовности и проявляет образ Божьего милосердия к кающейся душе. Однако человек в стихотворении Маяковского пока не поднимается до евангелического состояния – он только дважды косвенно соприкасается с новозаветным учением посредством символов жемчужина и солнце. Жемчужина в христианстве обозначает непорочное зачатие и представляется как метафора Иисуса Христа в чреве Девы Марии. Солнце символизирует свет Бога-Отца и самого Иисуса Христа: «Среди дня на дороге я увидел с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною. Я сказал: кто Ты, Господи? Он сказал: Я Иисус, которого ты гонишь» [Там же, Деяния, 26 : 13, 15].

Герой Маяковского стоит только в самом начале пути своего духовного делания, его душе ещё предстоит долгий путь: от Ветхого Завета – к Новому Завету, от Десяти Заповедей Моисея, написанных на каменных скрижалях, к Заповедям Иисуса Христа, написанных Святым Духом на скрижалях верующей души, которая, согласно определению Отца Церкви Тертуллиана, по природе своей – христианка.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Человек. Микрокосм и макрокосм (отрывки) // Русский космизм: антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
2. Библия. Русский синодальный текст. Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2011. 1376 с.
3. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 1996. 416 с.
4. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Художественная литература, 1955. Т. 1. 464 с.
5. Парецкая М. Э. Серебряные узоры. Русская словесность в контексте христианства. Saarbrücken: LAP, 2012. 69 с.

ATTEMPT OF LINGUO-CULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE RUSSIAN LITERATURE (BY THE MATERIAL OF MONONUCLEAR SENTENCES AND V. V. MAYAKOVSKY'S POEM "LISTEN!")

Paretskaya Marina Eduardovna
Southern Federal University in Rostov-on-Don
marinaparetskaya@rambler.ru

The article focuses on the resources of linguo-culturology revealing the meaning of the spirituality of language realized in syntactical system where the connection of the philosophy of language with its national-cultural component can be traced. The specificity of reality perception through syntax is illustrated by the examples of verbal and nominative mononuclear sentences that inherently contain the peculiar vision of the world of the Russian ethnos. The article also discusses the issues of spiritual language influence on literature including the works of writers-materialists.

Key words and phrases: spirituality of the Russian language; linguo-culturology; mentality; perception of reality through syntax; mononuclear sentences; reflection of spirituality of language in literature; religious search of writers-materialists.